

Л.В.Шапошникова

ПРЕДАТЕЛИ

(Шапошникова Л.В. Держава Рерихов: в 2т. – М.: МЦР. – Т. II.
– С. 370 – 382.)

Ограждайтесь от предателей, зараза от них велика, и мы обязаны уберечь от них всех, доверчиво пришедших под свод храма Культуры! Слабость и непротивление злу не для нас. Когда нужно, мы поднимаем меч возмущенного духа и встаем на защиту всего доверенного нам.

Е.И.Рерих

Сначала – фрагмент рекламы, зазывно озаглавленной так: «Впервые в печати уникальные материалы из агнийогических записей Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов. «Агни-Йога: Откровение» (1 том), «Агни-Йога: Высокий Путь» (2 тома)». И далее: «Первая из книг представляет собой практически полное собрание записей, являющихся по существу до сих пор неопубликованными параграфами Живой Этики <...> Они включают наряду со многими другими ценнейшими записями и те, которые Елена Ивановна посчитала несвоевременным открывать миру в первых же книгах Нового Учения. Двухтомник «Высокий Путь» – это подробнейшее собрание указаний и наставлений Учителя, обращенных лично к Е.И. и Н.К.Рерихам как ученикам, проходившим практический опыт Агни Йоги и облеченным совершенно особой Высокой Миссией. Перед нами, наконец, открывается поразительная и захватывающая картина многолетней духовной эпопеи этих великих людей (включая уникальный огненный опыт Матери Агни Йоги), о которой до сих пор мы могли лишь догадываться по довольно скудным сведениям из уже опубликованных источников. Уверены, что эти три новых тома Агни Йоги (курсив мой – Л.Ш.) станут лучшим духовным пиршеством для последователей этого Учения...» Реклама, помещенная в Интернете издательством «Сфера», сделана в самых лучших рыночных тонах. В качестве главного «блюда» этого «пиршества» были обещаны дневники Елены Ивановны Рерих, те самые дневники, срок публикации которых еще не пришел и на обнародование которых был наложен запрет самой Еленой Ивановной.

Оригиналы этих дневников были переданы в 1990 году Святославом Николаевичем Рерихом в Международный Центр Рерихов вместе с остальным наследием Е.И. и Н.К.Рерихов. Тогда же он и дал инструкции, как поступить с дневниками. В 1992 году С.Н.Рерих дополнил свои указания, позволившие нам опубликовать в 1993-м и 2000 годах книгу «У порога Нового Мира», носившую общий характер и не касавшуюся практики огненного опыта Е.И.Рерих, составлявшей сокровенную часть дневников, о которой, как сказано в рекламе, можно было «лишь догадываться по довольно скудным сведениям из уже опубликованных источников».

Инструкции С.Н.Рериха в МЦР строго выполнялись. И вот теперь нам предлагали сомнительное «пиршество». Это было для нас тем более неожиданно, что хорошо знавшее нас издательство сделало все тайно и не уведило МЦР, как заинтересованное лицо, о готовящейся публикации. Переговоры со «Сферой», которые состоялись в конце января этого года, ни к чему не привели. На официальное письмо с нашим протестом ответа не последовало¹. Зато последовала угроза, что все будет сообщено «самому Энтину». Так на сцене появилась еще одна фигура – «сам» господин Д.Энтин, исполнительный директор Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. «Сам» незамедлительно (1.02.02.) прислал письмо, которое по стилю и содержанию напоминало послание «благородного господина» из Америки кучке распоясавшихся негодяев из МЦР, посмевших указать «Сфере» на ее незаконные и неэтичные действия. У господина Энтина были соображения этического и юридического характера. Последние сводились к следующему. Цитирую: «В 1948 году Елена Рерих написала Зине Фосдик (директор Музея Николая Рериха в Нью-Йорке с 1949 г. – *Л.Ш.*), объявив, что она предоставляет Зине и Дадлею, ее мужу, права на публикацию «в Америке и Европе». Это письмо находится, вне всякого сомнения, в вашем архиве и ваши коллеги полностью осведомлены о нем. Возможно, в собственных интересах они решили не обращать на него внимания.

Эксперт по авторским правам заверил меня, что Музей Николая Рериха в Нью-Йорке имеет преимущественные авторские права в отношении содержания записных книжек (имеются в виду дневники Е.И.Рерих – *Л.Ш.*), находящихся в архиве Амхерст колледжа. Потому что Елена Рерих послала записные книжки Зине Лихтман (позже Фосдик) для использования в Америке и согласно Зининому завещанию все ее права были переданы Музею. Хорши держали эти записные книжки незаконно и потом отдали их в Амхерст колледж. Из их переписки с колледжем явствует, что, согласно закону, они контролируют доступ к записным книжкам, но не претендуют на авторские права в отношении самого материала. Никогда после ни в письмах, ни в каких-либо бумагах, подписанных кем-либо, условия эти не изменялись. Правда, может возникнуть некоторая путаница в этом отношении, поскольку Святослав Рерих, не всегда точно представляя себе эти дела, претендовал на такие права или давал их другим, не имея в действительности у себя таких прав».

Оставим пока в стороне такой обычный для господина Энтина выпад против С.Н.Рериха, младшего сына Елены Ивановны и Николая Константиновича и их законного наследника.

«Я был полностью, – пишет далее вышеупомянутый господин, – осведомлен о мнениях Кэтрин Стиббе по многим вопросам в течение значительного числа лет. Мы с ней часто их обсуждали. Однажды в 1992 году (как обычно, месяцы отсутствуют. – *Л.Ш.*), когда мы обсуждали с ней проблему о публикации материалов из архива (каких материалов и из какого архива? – *Л.Ш.*), Кэтрин была сначала против этого, потом засомневалась, и мы

---

¹ Письмо главного редактора «Сферы» Д.Попова, датированное 30.10.02, было получено нами 11.02.02 г., но позиция его автора оставалась неизменной.

решили позвонить Святославу и спросить его мнение и посоветоваться с ним. Многие решалось именно в таких телефонных беседах, потому что Кэтрин разговаривала со Святославом по нескольку раз в неделю.

Когда я спросил Святослава об этом деле (Кэтрин вряд ли позволила сделать это Энтину, она сама бы разговаривала. – *Л.Ш.*), он ответил сразу и вполне определенно: «Не должно быть больше никакой секретности. Все материалы должны быть доступны!»

Это был его ответ, и это стало нашей практикой».

Подождем немного с комментариями и обратимся к другому источнику, предварив его короткой исторической справкой.

Дневники Елены Ивановны, присвоенные Луисом и Нетти Хоршами во время их предательства, приведшего к гибели первого Музея Николая Рериха в Нью-Йорке², были не оригиналами, а авторскими копиями. После 1935 года Е.И.Рерих уже не посылала регулярно в нью-йоркский Музей копий своих дневников³. Вот о чем она писала в 1936 году⁴:

Е.И.Рерих – З.Г.Лихтман (Фосдик. – *Л.Ш.*). 7.01.36.

«...Несколько лет назад я просила Вас отдать г-же Нетти С.Хорш на хранение мои записи в тетрадях (датированные от 24 марта 1920 года и до 3 февраля 1935 года), причем эти материалы последовательно пополнялись. <...>

Все это я прошу Вас забрать, посоветовавшись с юристами, и принять к себе на хранение (подчеркнуто мной. – *Л.Ш.*) до получения моих дальнейших указаний»⁵.

Е.И.Рерих – Г.Плауту, Г.Дэвису. 14.02.36.

«...Настоящим я уполномочиваю Вас забрать у г-жи Нетти С.Хорш, 310 Riverside Drive, все мои дневники-манускрипты в черных тетрадях, написанные моим почерком, начиная от 24 марта 1920 г. до 3 февраля 1935 г. включительно. <...>

Пожалуйста, передайте все эти тетради г-же Зинаиде Г.Лихтман, Нью-Йорк»⁶.

Е.И.Рерих, Н.К.Рерих – З.Г.Лихтман, Ф.Грант, К.Кэмпбелл и М.Лихтману. 11 – 12.03.36.

«...Очень беспокоимся о манускриптах, ведь нельзя же захватить собственность Е.И. и нарушить все ее авторские права. В минутсах (протоколах судебного заседания по делу Л.Хорша. – *Л.Ш.*) имеются упоминания о том, что г-жа Хорш приняла манускрипты на сохранение (подчеркнуто мной. – *Л.Ш.*). Удерживать их она не имеет никакого права, в случае задержания манускриптов захватчиком может быть предъявлен большой иск за нарушение авторских прав»⁷.

² Годы спустя он был снова восстановлен благодаря усилиям самих Рерихов и их преданных сотрудников, прежде всего Кэтрин Кэмпбелл и Зинаиды Григорьевны Фосдик.

³ Как позже выяснилось, Елена Ивановна отправляла Кэтрин Кэмпбелл лишь отдельные свои записи, датируемые 1936 – 1944 годами.

⁴ Оригиналы цитируемых ниже писем хранятся в Отделе рукописей МЦР. В настоящее время они опубликованы.

⁵ Рерих Е.И. Письма. – М.: МЦР, 2002. – Т. 4 (1936 г.). – С. 5.

⁶ Там же. – С. 53 – 54.

⁷ Там же. – С. 89.

Е.И.Рерих, Н.К.Рерих – З.Г.Лихтман, Ф.Грант, К.Кэмпбелл и М.Лихтману.
19.03.36.

«...Неужели до сих пор не получены манускрипты Е.И.? Ведь это же прямая кража литературного достояния! В этих манускриптах столько собрано материала – легенд, пророчеств, старинных традиций, что украсть все эти по пути собранные материалы является определенным преступлением и должно быть судимо за большие убытки»⁸.

Е.И.Рерих, Н.К.Рерих – З.Г.Лихтман, Ф.Грант, К.Кэмпбелл и М.Лихтману.
22.03.36.

«...Задержание манускриптов является неслыханным преступным актом. Не знаем, ч[то] именно злоумышленники станут измышлять на основании этих манускриптов? <...> Очень хорошо, что Вы все являетесь свидетелями тому, что материал был только на хранении (подчеркнуто мною. – Л.Ш.), об этом же и в протоколах имеются неоднократные подтверждения. <...>

Пишите о всех новых подходящих и загорающихся праведным негодованием против совершаемого злодеяния. Женские сердца, <...> представители страны, мир ученый и художественный – должно же в них сказаться чувство справедливости!»⁹

Е.И.Рерих, Н.К.Рерих – З.Г.Лихтман, Ф.Грант, К.Кэмпбелл и М.Лихтману.
28 – 30.03.36.

«...Дерзость и мерзость этой новой попытки присвоения манускриптов действительно превышает все меры. Возможно ли предположить, что от 20-го года все манускрипты подарены, и подарены двум (Нетти Хорш и Эстер Лихтман. – Л.Ш.), в одном этом уже заключено неправдоподобие. Ведь одна из этих двух даже не знает языка манускриптов!! Бывали ли такие случаи в истории, чтобы один дневник делился между двумя?! Кроме того, разве когда Зина возила из Монголии части дневника, ей не было известно, что он отвозится на сохранение (подчеркнуто мною. – Л.Ш.) ввиду нашего отъезда в Тибет. Да что говорить, когда я сам отвозил части этого дневника не в подарок, а в сохранение. Какая чудовищная попытка наглого присвоения труда за 16 лет!!»¹⁰

Е.И.Рерих, Н.К.Рерих – З.Г.Лихтман, Ф.Грант, К.Кэмпбелл и М.Лихтману.
12 – 13.04.36.

«...Первые манускрипты-тетради прибыли в Америку лишь в 1925 году. Присла[ли] через Вл[адимира] Ан[атолевича] Шиб[аева] на хранение»¹¹.

Н.К.Рерих, Е.И.Рерих – З.Г.Лихтман, Ф.Грант, К.Кэмпбелл и М.Лихтману.
19 – 20.04.36.

«...вчера отправили Вам телеграмму, предупреждая, чтобы предатели не стали извращать и злоупотреблять манускриптами-тетрадами. Ведь манускрипты были даны *лишь на хранение*, а некоторые тетради были даже запечатаны. Потому, если бы предатели стали злоупотреблять извращением

⁸ Там же. – С. 108.

⁹ Там же. – С. 111.

¹⁰ Там же. – С. 114.

¹¹ Там же. – С. 139.

смысла, то они покажут этим и злоупотребление им доверенным на хранение имуществом. Наверное, адвокаты знают соответствующую статью закона, охраняющую имущество, доверенное на хранение»¹².

Е.И.Рерих – К.И.Стурэ. 29.05.36.

«Не только шеры (акции. – *Л.Ш.*) захвачены четою Хорш, но и все мои манускрипты-дневники за все 15 лет, которые я отсылала в Америку на хранение. Чтобы не вернуть их мне, они нагло утверждают, что я им подарила их. Но правдоподобно ли, чтобы весь литературный материал, собираемый за столько лет, из которого много что еще не опубликовано, был бы подарен мною лицам, которые даже *не знают языка* (русского), [на] котором этот литературный материал написан!!! Но, конечно, это только часть их злоумышления, есть еще и другие. Истинно, преступление это в злобности своей превышает во многом предательство четы Куломб в деле Е.П.Блаватской и предательство Люд[овика] пятнадцатого (так в оригинале письма. Следует читать: шестнадцатого. – *Л.Ш.*) в отношении Сен-Жермена»¹³.

Е.И.Рерих – Н.П.Серафиминой. 12.06.36.

«...Теперь об Америке. Предатели действуют самыми отвратительными подпольными мерами, рассылают письма с наветами по всем нашим друзьям, обществам и дружественным учреждениям. (Как это знакомо, господин Энтин! – *Л.Ш.*) <...> Конечно, по счастью, оригиналы (дневников. – *Л.Ш.*) я имею при себе, ибо при наших передвижениях я всегда опасалась иметь ценнейший материал в одной копии, но все же наглость их (Хоршей. — *Л.Ш.*) потрясающа, тем более что есть свидетели того, что дневники эти посылались в Америку именно на сохранение. Манускрипты эти составляют 40 толстых тетрадей, труд не малый!»¹⁴

Е.И.Рерих – г-ну Милликану. 31.07.36.

«...Ваше глубокое понимание подскажет Вам принять срочные меры, чтобы спасти манускрипты <...> от дьявольских рук. Мое сердце разрывается от боли при мысли, что самое Сокровенное могут осквернить, злобно исказить и выставить на посмешище. Лишь немногие понимают сокровенность Великого Руководства»¹⁵.

Е.И.Рерих – [Г.Плауту, Г.Дэвису]. 04.11.36.

«...В дополнение к моему заявлению от 27 марта 1936 г. относительно возвращения моих рукописей, должна изложить следующее:

1. Первая партия книг, отправленных по морю г-ном В.Шибяевым из Италии на имя г-жи Зинаиды Г.Лихтман, Нью-Йорк, для хранения (подчеркнуто мною. – *Л.Ш.*), состояла преимущественно из тетрадей в черном картонном переплете *американского производства*. Они были исписаны крупным почерком, орфография старорусская.

2. Последняя партия была представлена тетрадями *французского* производства, много толще, в гибких черных клеенчатых обложках, текст был

¹² Там же. – С. 158 – 159.

¹³ Там же. – С. 199.

¹⁴ Там же. – С. 223.

¹⁵ Там же. – С. 278 – 79.

написан в современной русской орфографии мелким почерком, чтобы не утяжелять посылку.

3. Последняя тетрадь, законченная 3 февраля 1935 г., самая большая, в голубой обложке с позолоченной рамочкой»¹⁶.

Из выше процитированных писем мы узнаем, что Елена Ивановна в свое время сделала авторские копии ценнейшего для нее материала, боясь подвергнуть случайностям оригиналы, которые могли привести к их утрате. Авторские же копии, которые она посылала в Америку, в таком случае могли спасти положение. Первые из них были доставлены в нью-йоркский музей в 1925 году, последние в феврале 1935 года. Никаких сомнений не возникает, что они были отправлены на хранение, а не на их «использование в Америке», как утверждает господин Энтин.

Ко времени хоршевского предательства Елена Ивановна систематизировала и издала философские материалы, содержащиеся в дневниках и кончавшиеся 1935 годом. Это были первые книги Живой Этики. Однако опубликованный ею материал составлял лишь часть дневников, другая же – сокровенная, куда входила практика огненного опыта, не была предназначена к публикации в ближайшем будущем. Получить обратно копии, присвоенные Хоршами, ей так и не удалось. Американские сотрудники оказались бессильны помочь ей. Какое-то время спустя Хорш продал дневники в Амхерст колледж, где они пребывают и до сих пор.

Из всех несчастий, которым подверглись Рерихи после предательства Хорша, утрата копии дневников оказалась для них самой большой и тяжелой потерей. В руках предателя осталось самое сокровенное, то, ради чего Рерихи свершили свой жизненный подвиг.

И хотя господин Энтин утверждает, что письма Елены Ивановны не имеют никакого отношения к публикациям в издательстве «Сфера», я тем не менее, позволю себе с ним не согласиться. Они имеют, да еще какое! Ибо свидетельствуют о юридическом положении тех дневников, которые были переданы в Америку. Напомню, что оригиналы Елена Ивановна оставила у себя, они там прекрасно сохранились, затем были переданы С.Н.Рерихом в МЦР, где и находятся по сей день.

Таким образом, с самого начала вопрос о каких-то авторских правах ни Нетти Хорш, ни Зинаиды Григорьевны Фосдик, ни самого музея не стоял. Авторские права продолжали принадлежать Елене Ивановне, и она подтверждает это в своих заявлениях юристам, которые вели это нелегкое дело. Что же касается письма Елены Ивановны З.Г.Фосдик от 1948 года, на которое ссылается господин Энтин и точная дата которого умышленно опущена, то оно действительно существует в нашем архиве, датировано 22 марта 1948 года¹⁷ и не имеет никакого отношения к лукавым утверждениям господина Энтина о том, что Е.И.Рерих «предоставляет Зине (Фосдик – Л.Ш.) и Дадлею, ее мужу, права на публикацию «в Америке и Европе». Вернее, не имеет отношения к

¹⁶ Там же. – С. 391.

¹⁷ Рерих Е.И. Письмо от 22.03.48 // ОР МЦР Фонд № 1. Вр. № 2226. Л. 68 – 69 об.

дневникам Елены Ивановны. Цитирую: «Право на перевод и издание книг Учения в обеих Америках и Европе передаю Зиночке и Дедлею». Можно поражаться тому, на какой подлог и обман идет «сам Энтин», стараясь доказать, что у нью-йоркского музея есть права на издание дневников. Книги Учения – это не дневники, а те книги Живой Этики, которые были в свое время опубликованы или подготовлены к печати Еленой Ивановной. В цитируемом письме даже упоминаются конкретные книги Учения Живой Этики, такие, как «Агни Йога», «Беспредельность», «Сердце», «Иерархия» и другие. Полагаю, все ясно. Но одна ложь порождает другую. В своем письме, как вы помните, господин Энтин утверждает: некий безымянный «эксперт по авторским правам» заверил его, что «музей в Нью-Йорке имеет преимущественные авторские права на записные книжки (дневники Е.И.Рерих. – Л.Ш.), хранящиеся в архиве Амхерст колледжа». Мы же теперь хорошо знаем, что ни Зинаиде Григорьевне Фосдик, ни Нетти Хорш дневники не были вручены «для использования в Америке», а были отданы лишь «на хранение». Юридических документов, свидетельствующих об изменении статуса дневников Е.И.Рерих в Америке, нет и, по-видимому, не было. Так какое же право в этом случае на эти дневники могло быть в завещании Зинаиды Григорьевны? Напомню, что «сам Энтин», в связи с условиями хранения дневников в Амхерсте писал: «Никогда после ни в письмах, ни в бумагах, подписанных кем-либо, не было изменения этих условий». Для страховки мы запросили Амхерст колледж. Нам ответила Сьюзан Рэйн, представитель юридической фирмы, обслуживающей Амхерст колледж. «Вы просите меня, – писала госпожа Рэйн, – подтвердить, намеревался ли когда-либо Амхерст колледж передать издательские права на тетради Елены Рерих, которые находятся в его распоряжении. Насколько я знаю, наш колледж никогда не передавал и не намеревался передавать такие права». (3.04.02.)

Потом появился миф о том, что Пилишек, директор издательства «Сфера», сам получил разрешение в Амхерст колледже на публикацию. Вновь был запрошен Амхерст колледж и та же Сьюзан Рэйн ответила следующее: «Амхерст колледж проверил свои архивы и уведомляет, что никаких документов, подтверждающих разрешение господину Пилишеку касательно работ Николая и Елены Рерих, не было найдено. Более того, господин Ланкастер (хранитель архива и библиотеки Амхерст колледжа. – Л.Ш.) не помнит, чтобы была какая-либо договоренность с господином Пилишеком относительно данного вопроса.<...> Данное заявление по вопросу передачи прав считать окончательным». (17.04.02.)

На этом кончается система юридических доказательств «самого Энтина» и примкнувшего к нему Пилишека и начинается так называемая этическая часть. Ее можно обозначить кратко: «живые и мертвые».

Удивительно, но факт: нередко в жизни тех, кто ушел от нас, открываются потрясающие моменты, о которых не знали не только их близкие, но даже они сами. В данном случае мы имеем дело с таким феноменом. Мне пришлось еще при жизни С.Н.Рериха и Кэтрин Стиббе соприкоснуться с обоими по поводу дневников Елены Ивановны Рерих. В начале 1990 года по приглашению

Святослава Николаевича я приехала в Индию, в Бангалор, для подготовки наследия его родителей, Елены Ивановны и Николая Константиновича, к вывозу в Россию. Святослав Николаевич передавал это наследие Советскому Фонду Рерихов, впоследствии переименованному в Международный Центр Рерихов. Среди всего остального были и дневники Елены Ивановны, оригиналы, а не авторские копии, которые она когда-то отсылала в Америку. В один из дней мы говорили со Святославом Николаевичем об этих дневниках. Он сказал, что это самое важное, что есть в наследии, что часть из них опубликована и вошла в книги Живой Этики, а часть ждет своего часа. Сейчас публиковать эти дневники нельзя, а что касается публикации целиком, то ее придется ждать немало времени. Потом мне были выданы инструкции, как обходиться с дневниками. Когда я привезла наследие в Москву, то сразу сообщила руководству МЦР и затем представителям рериховских организаций об особом статусе дневников. Полагаю, многие об этом помнят. В апреле 1992 года Святослав Николаевич написал письмо-обращение к рериховским организациям России и СНГ, в котором повторил и о данных мне инструкциях, и о недопустимости публикации в ближайшем будущем ряда материалов, находящихся в архиве МЦР. Господин Энтин считает это письмо фальшивым и, не смущаясь, заявляет об этом. В связи с этим я хотела бы спросить господина Энтина, что мешало ему проверить – прав он или не прав, утверждая, что письмо С.Н.Рериха фальшивое? Святослав Николаевич был тогда еще жив и находился в здравом уме и твердой памяти. Уверена, что именно последнее обстоятельство и удержало господина Энтина от подобного вопроса. Он сам понимает, что лжет. Он также беспардонно лжет, когда утверждает, что Святослав Николаевич в том же 1992 году снял запрет на публикацию дневников и всех архивных материалов.

Если бы это по какой-то экстремальной причине и произошло, С.Н.Рерих бы в первую очередь сообщил бы об этом туда, где хранились оригиналы этих дневников, и тем, кому он давал инструкции в отношении них. Святослав Николаевич в отличие от Энтина был юридически грамотен и никогда не подменял документов ни выдумками, ни ложью. Мне больно сейчас от того, что мелкий господин и те, кто ему помогают, стараются унизить своей ложью Высокую Личность ушедшего...

То, что господин Энтин приводит разговор Святослава Николаевича с Кэтрин Стиббе, которого просто не могло быть, не усиливает доказательство, а разрушает его. Если верить «самому», то остается неясным, почему он был в шоке от нашей публикации «У порога Нового Мира». Ведь, по его словам, Святослав Николаевич снял в 1992 году все запреты на публикацию дневников – «Никаких секретов!» Так что же с вами случилось, господин Энтин, в 1993 году, когда вышла книга «У порога Нового Мира»? Или «снятие запрета» распространялось только на музей в Нью-Йорке, а на музей в Москве нет? Что же касается Кэтрин Стиббе, человека порядочного, высоконравственного и преданного делу Рерихов, то вряд ли можно поверить, что она обсуждала с вами «многие проблемы». Это тоже ложь. Я хорошо знаю и ее отношение к вам, но в отличие от вас не буду сообщать ее высказывания о вас. Они не

добавят вам чести. Ее позиция в отношении дневников Елены Ивановны никогда при ее жизни не менялась. Это вы ее изменили после ухода Кэтрин.

Я опять должна привести свои свидетельские показания. Когда в начале 1990 года я работала с наследием в имении Рериха под Бангалором, Святославу Николаевичу позвонила Кэтрин Кэмпбелл (Стиббе. – Л.Ш.) и передала через него мне приглашение приехать к ней в Швейцарию, где она в это время жила в местечке Ла Тур де Пей на берегу Женевского озера. Потом она позвонила уже мне и снова повторила свое приглашение. Я объяснила ей, что сейчас не могу к ней приехать, но сделаю это обязательно, когда кончу работу с наследием. На том и договорились. Потом я поинтересовалась у Рериха, с чем связано такое срочное приглашение.

– Видите ли, – сказал он, – Кэтрин очень беспокоится о дневниках моей матушки. Я объяснил ей, что дал вам соответствующие инструкции. Но Кэтрин надо знать. Она очень ответственный человек и хочет переговорить с вами лично. Я думаю, что для вас это будет полезно.

Так в июне 1990 года я оказалась в гостях у Кэтрин Кэмпбелл. На следующий же день после моего приезда Кэтрин заговорила со мной о дневниках. Она рассказала мне об их значении и сообщила мне о воле Елены Ивановны – не публиковать их, по крайней мере, в XX веке, а может быть, и далее, в XXI.

– Я прошу вас, – сказала она, – строго следовать инструкциям Святослава.

Не думаю, что господин Энтин не знал об этом. Он находился в это время в Женеве и раза два заезжал к Кэтрин в Ла Тур де Пей. Тогда мне показалось, что обошлась она с ним не слишком гостеприимно...

В конце 1991 года Кэтрин заказала две копии хранившихся в Амхерст колледже дневников Е.И.Рерих. Одну копию она отдала мне для нашего Музея, другую оставила в нью-йоркском музее. И это был тот материал, который без всякого на то законного основания Энтин отдал Д.Попову для полной публикации в России.

Хотелось бы добавить к сказанному некоторые интересные факты, которые сообщил нашим представителям Д.Попов во время разговора, упомянутого в начале этой статьи. Из него мы узнали:

1. Что Попов не проконсультировался со мной, как с доверенным лицом С.Н.Рериха и директором Музея имени Н.К.Рериха, в архиве которого находятся оригиналы дневников Е.И.Рерих, только потому, что «Л.В.Шапошникова очень занята и к ней не пробиться».

2. Попов счел, что «та часть общества, которая за последние 10 лет ознакомилась с учением Живой Этики и другими источниками, готова к восприятию дневников Е.И.Рерих».

3. Срок публикации дневников Попов и его коллеги определили сами, «благо, что есть свои специалисты».

4. Копию дневников Е.И.Рерих Попов получил от «сохранившего их Д.Энтина».

5. На издание вышеупомянутых дневников есть согласие «самого» Д.Энтина. В какой форме, Попов не упомянул.

Здесь что ни слово, то ложь. Я действительно очень занята, но каждый день десятки людей спокойно «пробиваются» ко мне с вопросами во много раз менее важными. Можно утверждать, что Попов и не собирался этого делать. Определение самим Поповым готовности части общества к «восприятию дневников Е.И.Рерих» не только ложь, но и чудовищная безответственность, которая привела к установлению срока публикации дневников самостоятельно Поповым, вопреки воле автора дневников и семьи Рерихов, в законной собственности которых находились эти дневники. Ссылка на поддержку каких-то мифических «специалистов» в этом незаконном действии не выдерживает критики.

Я твердо уверена, что ни один честный и грамотный специалист, находящийся в материале и знающий стиль работы Елены Ивановны, не мог взяться за работу подобного характера. Что, собственно говоря, сделал Попов? Он собрал не включенные Еленой Ивановной, по самым серьезным основаниям, ее беседы с Учителем за те же годы, что и опубликованные (1920 – 1935) ею, и смастерил из них, по собственному разумению, «продолжение» Агни Йоги, или Живой Этики. Я могу назвать все это самой возмутительной духовной аферой. Ни один порядочный специалист не стал бы работать над материалом, который составляет лишь часть целого. Дневники за 1935 – 1955 голы, которые в ряде случаев содержат разъяснения неопубликованного, остались, к счастью, недоступными для аферистов и непорядочных издателей. Нормальный специалист сразу бы отказался от подобной работы. Тех же «специалистов», которыми располагает Попов, специалистами считать нельзя.

И надо же понять, в конце концов, что вопрос публикации дневников Е.И.Рерих вышеупомянутым образом не связан со «специалистами», а лежит в области юридической и этической.

Утверждение Попова, что Энтин «сохранил дневники», к самому Энтину никак не относится. Мы уже знаем, как он их получил (от Кэтрин) и «сохранил», пустив в преждевременную публикацию в чужой ему стране.

Думаю, что пора подвести окончательный итог. И главный из них состоит в том, что мы имеем дело с чудовищным предательством двух человек — господина Энтина и господина Попова. Первый, инициировав это предательство, обеспечил его материально и тактически. Второй реализовал его, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Ко всему этому необходимо добавить, что злодей Хорш, имея эти дневники у себя, не решился на их публикацию, хотя обладал для этого всеми возможностями. Черное дело Хорша наконец завершил Энтин с помощью Попова. Предательство Хорша и Энтина идет в одном русле. Первый незаконно завладел дневниками Елены Ивановны, второй точно таким же образом присвоил себе авторские права на те же дневники и тайно употребил их во зло. Это зло они разделили поровну. Хотя могут быть и иные мнения о черных долях, принадлежащих каждому из них.

Смею думать, что это не только предательство, но и крупная провокация, совершенная двумя лицами: первым – с полным расчетом, вторым – могу еще предположить – по глупости и безответственности. Но это дела не меняет.

Провокация предпринята в очень тяжелых условиях существования МЦР и рериховских организаций в России. Господин Энтин прекрасно осведомлен об этом. Ведь он так часто приезжает в нашу страну... За это время он собрал вокруг себя людей амбициозных, с недостаточным уровнем сознания. Полагаю, что они не замедлят выступить в защиту «американского наставника», который учит их, как воспринимать Живую Этику.

Господин Энтин давно уже наполняет свои письма и сайты Интернета клеветой и ложью на МЦР и его руководство. Известно, что Хорш поступал так же, выпуская зловонные струи клеветы и лжи против Рерихов в своих многочисленных письмах и публикациях. Есть латинская пословица «Мертвый хватает живого». Хорш ухватил нас, но смог он это сделать через живых – Энтина и Попова. Благодаря им мы оказались свидетелями грязного предательства и можем теперь понять то, через что прошли Елена Ивановна и Николай Константинович, когда Хорш предал их и оклеветал.

Не успела я закончить свою статью, как в Москву пришло письмо Энтина. «Как Вам известно, – информирует он, – в октябре Людмила Шапошникова объявила крестовый поход против каждого, кого она считает врагом или опасностью для ее контроля над всем Рериховским движением. Теперь этот крестовый поход проявил себя в разрушительной попытке помешать издательству «Сфера», публикующему абсолютно легальные книги, содержащие материал, который не контролирует Международный Центр». В письме была оклеветана Международная научно-общественная конференция, проходившая в октябре 2001 года в защиту имени и наследия Рерихов. Все 400 участников из России, СНГ и стран дальнего зарубежья могут свидетельствовать о том, что конференция обсуждала более важные вопросы, нежели «крестовый поход Шапошниковой». Лица с таким уровнем сознания, как у господина Энтина, склонны приписывать собственные побуждения другим.

Ну а что касается несвоевременной и незаконной публикации дневников Елены Ивановны Рерих вышеупомянутым издательством «Сфера», рериховцы России разберутся в этом сами и, если захотят, сообщат Энтину свое мнение на этот счет по почте, телефону, через Интернет или по другим доступным им средствам коммуникации.

И хотелось бы статью завершить цитатой из Живой Этики, очень уж она к месту. «Слышу вопрос: «Почему так много слов о предательстве?» – Именно потому, что предательств много. Когда кобра заползает в дом, о ней много говорят. Перед землетрясением змеи выползают наружу. Сейчас много таких змей»¹⁸.

---

¹⁸ Мир Огненный. – Ч. III, 548